

Н. Нечуй-Левицкий.

К трехлетнему юбилею „Вольного Казачества“.

Было бы излишним распространяться об исключительно важном значении печатного слова в современной жизни человечества. Пресса является ныне едва ли не самым мощным фактором человеческого прогресса. Это ее язык, благодаря которому народные массы общаются к темпу жизни. Через прессу люди всех классов и состояний получают возможность следить за событиями, которые в противном случае остались бы для них неизвестны, или сделались бы им известны тогда, когда уже потеряли свое значение.

Нет такого уголка жизни, которого бы не затронула современная печать. Недаром ее величают шестой великой державой!

Каждое новое движение, группа или партия в первую голову, стремится обзавестись собственным печатным органом. При посредстве печати проникают в народную толщу новые идеи, задачи и лозунги, она создает настроение для завтрашних событий, она определяет политическую жизнь наций, государств и даже — всего человечества. Это великолепно учли в свое время большевики и с первого же дня своего владычества поспешили упразднить в стране все печатные издания, заменив их собственными. Да и сейчас, они бы много дали, если бы могли заткнуть глотку эмигрантской печати. Свободного открытого слова они боятся, как чорт кропила. Не столько нервнует их воображаемая, вернее — инсценируемая ими же самими, опасность иностранной интервенции с ее пушками, аэропланами и удушливыми газами, как наличие за границей враждебной им эмигрантской печати, показывающей миру лицом недоброкачественность коммунистического товара...

Да, современная жизнь без печатного слова это все равно, что проповедник без языка. Немой может иметь гениальную голову и в ней палату ума, но без языка-печати его знания не передадутся другим.

Наш печатный орган „Вольное Казачество“ вступает в четвертый год своего существования. Если вспомнить все те нападки, предсказания провала и скорпионы угроз, которыми сопровождалось его появление в свет, то нужно с удовлетворением отметить, что журнал выдержал испытание. Три года делает он благородное дело — не дает угаснуть казачьему самосознанию, не позволяет казачеству утратить свое казачье лицо, зовет его помнить о своем долге перед стонущей Родиной... Скромные вначале силы, разрослись, окрепли, обросли новыми последователями. Светлая сторона „Вольного Казачества“ та, что оно имело мужество говорить правду в лицо, для многих не всегда приятную, но несомненно правду... Это подкупило эмигрантскую казачью массу и недоверчивое, в лучшем случае — безразличное отношение вначале, скоро сменилось живым интересом, а потом — и открытой симпатией к молодому течению. Сейчас даже многие консервативные умы, сердце которых бьется любовью к казачеству, не отрицают полезности нашего органа.

Своим трехлетним существованием „В. К.“ само говорит за себя. Для оценки достаточно сравнить „В. К.“ с иными казачьими журналами в разных странах. Это

или информационного характера невзрачные брошюры, или же пытающиеся подорвать „В. К.“ издания, нежизненные, скучные, увязшие корнями в прошлом и не способные принести плодов для будущего нашей раздавленной ныне Родины. Это — бесплодные сухие деревья, под оголенными ветвями которых собралось все косное, отсталое, изжитое. Неприглядное настоящее заставляет их искать забвение в умершем навеки прошлом. Этим, застывшим на мертвой точке умам трудно понять весьма простую и понятную истину, что жизнь не стоит на одном месте, а непрерывно эволюционирует. Что было пригодно для вчерашнего, то не годится для завтрашнего дня! Дырявые, расползшиеся штаны как не латай, все равно придется, наконец, заменить новыми... Самая малость критического отношения — и станет ясно, как в солнечный, летний день, что старый путь служилого казачества затерялся в болоте и нужно прокладывать новый...

Заслуга „В. К.“ в том и заключается, что оно идет в ногу с жизнью, не строит себе воздушных замков на выветрившемся фундаменте прошлого, а смело прокладывает перед собой дорогу к будущему. Оно близко подошло к настроению казачьей рядовой массы и в этом причина его несомненного успеха среди изгнанников-станичников. Мне известно много казаков, которые ждут выхода очередного № „В. К.“ как настоящего праздника. Жадно набрасываются на журнал, как голодный на хлеб, и не оторвутся до тех пор, пока не осият его до конца. Это потому, что страницы его заполнены не архивным хламом, а непосредственной, хлопотливой борьбой за свои идеалы, жизнью. Материал, преподносимый „В. К.“ читателю, не является однообразным, сухим набором мыслей, жесткой неудобоваримой печатной сечкой. В нем отражается наболевшая душа казака с ее радостями, скорбями, надеждами и сомнениями... „В. К.“ дает пищу и уму, и сердцу читателя.

Спокойно, без боязни упрека, вступает „В. К.“ в четвертую годовщину своего существования. Оно может гордиться сделанной им среди Казачества работой, ибо она целиком была посвящена благу Родной Земли и ее обездоленных, распыленных по свету детей.

Три года тому назад опасно было даже заговаривать о „каких то там“ исторических правах Казачества без того, чтобы не встретить пренебрежительно-враждебных замечаний об „измене“. Сегодня самые махровые сторонники единой, неделимой согласны допустить, что у Казачества для своих претензий кой какие основания в глубоком прошлом есть... Сдвиг в умах, очевидно, произошел. „В. К.“ сыграло в этом не последнюю роль...

Оно и впредь будет стоять на страже казачьих интересов и счастья своей в муках корчащейся, заушаемой Родины. Пожелаем же ему от сердца в наступающем четвертом году существования полного благополучия и счастья в его нелегкой деятельности. Пусть оно станет для нас тем очагом на чужбине, вокруг которого соберутся и согреются бездомные сироты-казаки. Исполать тебе, наш орган-будильник в лютое время лихолетия!

Шамба Балинов.

Является ли Казачество народом.

Сегодня исполняется третья годовщина со дня выхода первого номера журнала „Вольное Казачество“, который начал проповедывать идею Казачьей Независимости, доказывать право Казачества на самостоятельное существование.

Столько же лет продолжается неустанная „атака“ всех противников (и русских, и казачьих) В. К., которые твердят, что Казачество не имеет права на самостоятельное существование, ибо оно — де не является

отдельным народом, нацией (по мнению многих социологов, „народ“ и „нация“ совершенно тождественные понятия), нет, мол, у него тех „признаков“, на основании которых можно установить племенную обособленность Казачества. А раз Казачество не является отдельным народом, то оно, мол, не может претендовать и на самостоятельное государственное существование, а потому — проповедь Вольного Казачества смешна и... преступна. На этом основании все они настойчиво

доказывают, что лучшая доля Казачества — быть бичом в руках русского самодержавия, русского централизма (безразлично — монархического, большевицкого или республиканско-демократического).

Не в наших силах писать трактат по такому большому и сложному вопросу, как вопрос национальный, но наше право думать и размышлять по этому большому вопросу Казачества и свои простые размышления высказывать вслух. Может быть, эти размышления явятся поводом для кого-нибудь из казачьих ученых заняться серьезным исследованием этого вопроса.

Возникают два вопроса: 1) только ли особый народ, обладающий всеми „национальными признаками“, имеет право на независимое государственное существование? 2) Так ли уж верно утверждение, что Казачество не обладает никакими национальными „признаками“, что давало бы ему право претендовать на имя особой народности, отличной от других славянских народов?

Очевидно, на первый вопрос можно уверенно ответить отрицательно. Для образования государства не требуется наличие совершенно особого народа: один и тот же народ, разделившись, рядом может жить самостоятельной государственной жизнью. Примеры, иллюстрирующие такое положение, имеются в истории. Американцы, по происхождению, по языку и т. д. англичане, образовали великое государство и живут самостоятельно. Французы, немцы, итальянцы, в непосредственной близости с своими родными народами живущие, соединились и образовали отдельное самостоятельное Швейцарское государство. Таких примеров можно привести много. Следовательно, общее происхождение, несомненная принадлежность к одному народу не требуют обязательной жизни в границах одного государства, под одной государственной крышей.

Таким образом, „аргументы“ противников В. К., что казаки по своему происхождению русские люди (что тоже совершенно неправильно), а потому должны жить непременно в одних границах с русским народом — не являются серьезными, исторически обоснованными.

Другой вопрос — является ли Казачество особой народностью, отличной от других славянских народов?

Все противники В. К. единым хором твердят, что казаки, прежде чем говорить о своей независимости, должны доказать, что они не „верблюды“; что Казачество не имеет никаких „признаков“, свидетельствующих о его отличии от русского народа.

Так ли это? Во-первых, о самих этих „признаках“. Так ли уже бесспорно, раз навсегда, точно установлены наукой эти самые „признаки“, определяющие нацию? Не происходит ли и сейчас еще старый бесконечный спор различных ученых об установлении этих самых „признаков“? Во-вторых, завершился ли уже исторический процесс „выявления“ наций, народов из „исторического небытия“? Можно ли так категорически утверждать (как это ныне делают противники самостийников), что, кто до сего времени не выявил себя, как особая народность („неисторические народы“), т. е. кто не создал своей истории, культуры, литературы и т. д., не может уже претендовать на имя особого народа, нации?

Хотя бы „признаки“, определяющие нацию, народ: язык, религия, территория, нравы и обычаи. Кто этими „признаками“ обладает, бесспорно является особым народом, нацией. Обладает ли Казачество этими „признаками“? Есть ли в нем, если не все, то хоть часть этих „признаков“?

Из перечисленных выше пяти „признаков“ Казачество бесспорно обладает тремя последними. У него имеется общая территория, особые казачьи нравы и обычаи, что не вызывает ни у кого никакого сомнения, чего отрицать никак нельзя. Но, говорят противники самостийников, у казаков язык — русский, (но не у всех ведь!), а потому они не смеют думать об отдельном от русского народа существовании.

Является ли эта языковая „общность“ такой креп-

кой цепью, разорвать которую никто и ничто не может; является ли эта „общность“ таким бесспорным аргументом за то, чтобы все говорящие на этом языке, на все времена, независимо ни от чего, непременно жили под одной государственной крышей, в границах одного государства?

Очевидно, нет, ибо те же самые американцы, не только говорящие на одном языке с англичанами, но и во всем другом с ними во многом тождественные, прекрасно живут отдельной государственной жизнью; те же самые несомненные французы, немцы, итальянцы, говорящие каждый на своем родном языке, столь же прекрасно живут отдельной государственной жизнью.

Но нас в данном случае не интересует вопрос — имеет ли право, и может ли жить самостоятельной государственной жизнью Казачество, ибо этот вопрос для Вольного Казачества не вызывает никакого сомнения. Нас только интересует вопрос, так сказать, академического характера: насколько правы те люди, которые упорно и категорически отрицают за Казачеством право именоваться особым народом, нацией на том основании, что оно не обладает, или обладает не всеми национальными „признаками“? Насколько эти самые „признаки“ безусловны и вечны? Можно ли на основании этих ходячих „признаков“ отрицать или признавать (при том, категорически!) право на имя народа, нации за той или иной большой группой людей?

Не будем пускаться в опасный путь отрицания или утверждения, а приведем лишь некоторые выдержки из специальных трудов по этому вопросу, при чем из трудов не самостийников, а определенных антисамостийников, видных русских ученых.

Проф. П. Н. Милюков в своем труде „Национальный вопрос“ пишет, что вообще „признаки национальности все условны, и ни один из них, взятый отдельно, не необходим, чтобы охарактеризовать определенную национальность“; „все признаки национальности чрезвычайно хрупки и ни один из них не восходит далеко в историческое прошлое, не говоря уже о „доисторическом“ периоде. Все, чем привыкли определять национальность, язык, религия, территория, нравы и обычаи, все это сравнительно недавнего происхождения, все это подвижно и может отделяться друг от друга“; „родство народов никак нельзя определить тем, что они говорят родственными языками“; ... „национальность... существует только в процессе. Она не вечна и не неподвижна. Она, напротив, постоянно изменяется: складывается, развертывается, может и разложиться“.

Другой русский ученый, проф. Б. Бицили, также отрицает ссылку на язык, как на доказательство, как на главный аргумент против самостийников, ибо „самостоятельность, особность, отдельность каждого данного языка есть факт политики, культуры, не — филологии“, — „филологические аргументы имеют не больше весу“, точно также, как „аргументы от данных исторического прошлого, сами по себе, не имеют, не могут иметь решительно никакой силы и никакого значения в применении к историческому настоящему или историческому будущему“; ... „Грань между „языком“ и „диалектом“ весьма условна. С точки зрения морфологии языка, голландский язык — германский „диалект“. Но на этом „диалекте“ говорит и пишет народ, давно отделившийся от общегерманского массива, имеющий собственную государственность и собственную культуру“.

Австрийский ученый Отто Бауэр так представляет себе нацию: „Мы представляем себе нацию не как нечто застывшее, раз навсегда данное, а как непрерывный процесс образования; в основах же этого процесса лежат те условия, при которых люди ведут борьбу за существование и за продолжение рода“.

Следовательно, ничего твердо установленного для определения национальности нет, а есть только непрерывный исторический процесс обра-

зования и разложения нации, народов. Нельзя не признать правильности такого взгляда.

Все зависит от того — как сложится жизнь той или иной большой группы людей, живущих на определенной территории, или той или иной „части“ того или иного „исторического“ народа. Если эта „часть“ целого будет иметь возможность развивать все природой заложенные в ней „национальные“ качества, если будет иметь возможность развить свою „национальную“ культуру, т. е., если будет иметь возможность „национально“-политически свободно развиваться, иметь свою государственную свободу — то эта „часть“ с течением времени может превратиться в отдельный, самостоятельный народ (как голландцы) и, наоборот, если историческая жизнь сложится для этой „части“ неблагоприятно, то в конце концов, она может утратить все свои особенности, окончательно раствориться в общем море „целого“ — не станет ни местного „диалекта“, ни местных особенностей.

Так можно ли при этом положении категорически отрицать за Казачеством право именоваться народом, нацией? Не является ли подобное утверждение продуктом специфической политики, а не объективного ученого исследования?

Историческая жизнь Казачества сложилась для него трагически. Двести с лишним лет над ним производят всевозможные эксперименты; различные „благодетели“ изгоняли из него „казачий дух“, всячески умерщвляли казачьи особенности; оно насильно было лишено возможности развивать свои особенности, его местный „диалект“ стал забываться. В виду этого насильственного „рассказачивания“ Казачество не могло создавать и развивать свою культуру, литературу. В результате Казачество сейчас не имеет того „языкового“ аргумента для обоснования своих „национальных“ прав, на что так охотно ссылаются противники вольноказачьего освободительного движения.

Все же, несмотря на все эти неблагоприятные исторические условия жизни, Казачество сохранило все свои главные особенности, чувство казачьего единства, сознание своей отличности от русского народа. Оно под давлением физической силы утратило свою государственную независимость, но в нем, никогда не умирая, жила казачья душа, постоянно проявлявшая себя в казачьем сознании и в воле к самостоятельной жизни, что неопровержимо доказывается тем, что Казачество при первой же возможности в 1917 году немедленно осуществило свою волю и создало свою государственную независимость.

Если нет у Казачества „ясных“ „признаков“ национальности, то у него есть ясное желание, твердая воля сознательно творить свою национальность, достигнуть чего легче, имея свою государственную независимость, к чему теперь оно стремится. А эта последняя (воля) единственно важный „признак“ национальности, если принять во внимание определение национальности иностранным ученым (Дюркгейм): „национальность есть человеческая группа, члены которой, по основаниям этническим или просто историческим, хотят жить под одними и теми же законами, образовать одно государство... Среди цивилизованных наций теперь является принципом, что эта общая воля, когда она утверждается с настойчивостью, имеет право на уважение, и даже что она есть единственная прочная основа государств“.

Отвечает ли Казачество условиям этого определения национальности? Несомненно! Ибо Казачество бесспорно является „человеческой группой“ и „хочет жить под одними и теми же законами, образовать одно государство“. И это свое хотение Казачество „утверждает настойчиво“.

Как видите, по определению этого иностранного ученого, Казачество уже теперь является нацией, народом.

Если принять все это во внимание и, если подойти к вопросу о выяснении общественно-политической природы и народной сущности Казачества объективно, без предвзятого трафаретного, шаблонного „взгляда“, то можно ли будет продолжать отрицать право Казачества на самостоятельное государственное существование лишь потому, что оно не имеет, не включает в себе всех ясно выраженных „национальных признаков“?

Можно ли будет продолжать утверждать, как это многие делают и до сего времени, что Казачество есть только сословие, при том специфически военное, ныне изжившее свое время и подлежащее уничтожению?

Ведь поверхность и несерьезность такого „объяснения“ сути Казачества ясна уже по одному тому, что, если Казачество действительно является сословием, то внутри его самого уже никак не могло быть сословий. А у Казачества имеются свои сословия, социальные группы, отрицать чего никто не может.

У него имелась своя аристократия (старшина), к сожалению, вместо защиты казачьих прав, укрепления казачьих особенностей, часто предававшая эти интересы, способствовавшая уничтожению казачьих особенностей.

У Казачества имелась и имеется своя интеллигенция, по естественному закону долженствовавшая служить „сознательной памятью“ Казачества, создавать „специальный орган социальной памяти и наличность технических способов сохранить воспоминание в ряде поколений, не искажая их“, т. е. развивать казачью культуру, разрабатывать в неискаженном виде казачью историю, создавать казачью литературу, одним словом, укреплять и развивать казачье сознание. Но, к несчастью, вместо всего этого, занимавшаяся совершенно другим, часто делавшая дело, способствовавшее забвению казачьих особенностей, усыплявшая казачье сознание.

У Казачества имеются и другие социальные группы: земледельцы, ремесленники, торговцы и т. д. Можно ли утверждать серьезно: сословие, состоящее из различных сословий, социальных групп?

К несчастью, часто вожди Казачества, его интеллигенция („мозг и память народа“) не показывали своему народу достойного примера для подражания, для укрепления казачьего самосознания. Но, вопреки этой вредной для Казачества работе верхов, вся казачья масса от мозга до костей охвачена своим казачьим сознанием, в умах и сердцах каждого казака, не потухая, горит общая для всех Казачья Идея.

При отсутствии точно установленных, раз навсегда определенных „признаков“ для определения национальности, с одной стороны, и при наличии ясно выраженной воли, не умирающей живой в душе каждого казака Казачьей Идей — с другой, можно ли категорически утверждать, что Казачество не есть особый народный организм, имеющий свои особые интересы, свое право на самостоятельное государственное существование?

Поэтому-то Вольное Казачество на вопрос — имеет ли Казачество право на самостоятельное государственное существование — отвечает положительно, ибо оно знает, что у казаков сильное сознание общности казачьих интересов, особенности их положения, отличности их от русского народа. Но самое главное, Казачество ясно, определено и многократно выражало и выражает свою волю жить самостоятельной государственной жизнью. Оно своей сознательной волей желает творить и утверждать свою национальность, свою независимую государственность.

„Выходя в свет, „В. К.“ зовет в свои ряды всех тех, кто хочет защищать свою волю, кто не хочет ничего господства над собою, от кого бы оно ни исходило и как бы оно ни называлось; кто считает, что Казачеству нужно прежде всего думать о себе и о своих Землях, бороться за свое право и свою свободу“...

„В. К.“, № 1, 10 декабря 1927.